

**Группа SilverCast представляет
фантастический рассказ
по мотивам музыкального альбома «Chaos Engines»**

ИМЯ ХАОСА

ГЛАВА 4

Жители этого мира – его интегрированные части. Они редко рождаются, редко умирают и долго живут. Они редко любят, редко ненавидят и много работают. У всех есть своё место, своя радость и своя печаль, но всё в конечном итоге принадлежит не им, а иной высшей рациональности. Если представить их цветными точками, то из них сложится картинка, которая будет содержать различные и неповторимые оттенки серого, подкрашенные разными цветами иных чувств примерно так, как подкрасит кастрюлю чистой воды капля свекольного сока.

И, тем не менее, для Ювелира этот мир походил на огромный механизм по производству эмоций. Фабрика боли, страсти и радости, в которой сложно было понять, где и когда будет произведён следующий продукт. Он не знал обычных механоидов. Не представлял их мотивов и устремлений. Этот мир – просто механизм, производящий сырьё для элементов собственного питания. И поколения за поколениями механоидов несли свою печаль даром Храму. Единственную имеющую смысл жертву. Храм принимал жертвы с благодарностью и в ответ дарил жизнь всему, что было в мире.

Он ширился и позволял существовать миру благодаря искусству, которое демоны Храма постигали от начала времен, – искусству покорения Хаоса. Это искусство они объясняли поколениям операторов машин творения, инженеров всевозможных специализаций, архитекторов – одному поколению за другим. Правила игры внешне были очень просты: если из Хаоса забрать часть вещества, то он послушно уменьшится на эту некую часть. Но если Хаосу что-то дать, он начнёт неожиданно и судорожно расширяться, уничтожая всё находящееся рядом. И забирая в себя части разрушенного, продолжит импульсивное расширение. Единственное противодействие этому – вынимать, вытаскивать из Хаоса вещество. Если делать это быстрее, чем будет захватывать он, Хаос лишится сил.

Поэтому тогда, когда размеры Хаоса научились контролировать, был создан Зал Творения. Шлюз между Храмом и Хаосом. Огромный закрытый цех, который исключал попадание в Хаос случайных предметов. Не только крупных вещей, но и каменной крошки, пыли. Миллиарды маленьких механизмов работали аккуратно и бережно, не позволяя маленьким предметам упасть с края мира вниз. Но защитит от попадания в Хаос дождя, града и снега они не могли, и потому купол над Залом Творения совершал эту работу за них. Купол, который предохранял мир от возможной катастрофы, лишал Зал Творения солнечного света.

Без света работать с веществом из Хаоса было сложно. Машины и их операторы могли ошибиться, и работать приходилось медленно. Слишком медленно, медленнее с каждым годом. С каждым циклом луны. Но теперь, когда появился способ найти путь между двух огней, путь к окончательному покорению Хаоса, Храм требовал себе новых и новых печалей.

Мастер вздохнул и посмотрел с высоты купола вниз, где, несмотря на поздний час, кипела работа.

- Мы закончим в срок! – ещё раз, пятый за последние двенадцать часов, радостно доложил его новый помощник.

- Ты слышал шум, Рика? – негромко спросил его мастер. - Это Садовник снова уничтожил свой сад.

- Было бы неплохо, если бы нам дали хрустали для инкрустации в основание купола, - возвестил юноша, не отрываясь от чертежа, часть которого он сверял с одной из прочих проектных бумаг.

- Это не было предусмотрено, - сухо напомнил ему мастер, вглядываясь в неясные очертания машин, kloкочущих на самом краю мира, то есть на другом конце огромного зала-цеха, в котором сейчас, как и всегда, трудились тысячи големов, сотни механоидов, несколько десятков мастеров и бесчисленные различные механизмы.

- Мне только что это пришло в голову!

- Ты опьянён тем, что делаешь. Я... - мастер отвлёкся от своего зрелища и, посмотрев на своего помощника, осёкся. Он никогда прежде не видел такого взгляда ни у кого, но он знал, что это за взгляд. Каждый в миру это знает.

- Мастер, – твёрдым, как будто чужим голосом спросил юноша в странном доверительном порыве, но старик уже знал, знал, что губами его подмастерья говорит Создатель, - вы не боитесь, что это ваше последнее дело и что вы не сможете увидеть лучшее творение своих рук?

- Мне было бы страшно жить, зная, что мне не за что умереть, - этот ответ старый мастер много раз проговаривал для себя. Он думал, что это глупости, но в миру говорили, что Сотворитель однажды всех спросит о смысле их жизни. И вот он спросил.

- Сильное чувство в груди, мастер – глухо и как-то по-детски, уже своим голосом пожаловался механоид, облизнув сухие губы и смаргивая влагу из глаз. - Это обречённость.

- Храм! – позвал Ювелир.

Эхо этого слова ушло выше, выше, туда, где под куполом отразилось от окрашенных искусственной краской витражей и самоцветных инкрустаций, запуталось само в себе, всё более гулко уходя в свою внутреннюю глубину.

Первожрец, находившийся сейчас здесь же, в Святилище, перед статуей Сотворителя вздрогнул. Между невольно сжавшихся пальцев потекла, смешиваясь с редкими каплями крови, вода. Вздрогнул. Показал слабость. Но видел ли это Ювелир, заметил ли? Нет. Раскрыв ладонь, Первожрец провёл по ней второй рукой, вытирая воду и осколки церемониальной чаши. Сотворитель стоял, возвышаясь над ними обоими: Первожрецом и Ювелиром, словно готовился принять их в свои объятия. Отец. Первожрец не решился поднять на него глаза. У него ещё было время. Время, пока эхо не утихнет совсем. Ещё одна неопределённая доля секунды, чтобы собраться и взять себя в руки, но он уже вздрогнул. Он уже не мог просто так убить Ювелира, но и сохранить ему жизнь не смел.

Всё зная, чувствуя весь огромный механизм Храма, отдавая себе отчёт, что может произойти потом, если всё останется как есть, он до этой самой последней крайности ждал, что Ювелир одумается, свернёт с пути, на который встал. Вернётся домой. Шестерни зацепляли одна другую. Ворочались, подбираясь к той, последней, дремавшей всегда. К той, чьего движения нельзя было допустить любой ценой.

И затемно, боясь, что его заметят, боясь, что станет известно это страшное отступничество, он с трудом молил своего бога проявиться, задействовать невидимые никому механизмы и не дать произойти тому, что он, Первожрец, так ясно видел впереди. «Он же брат мне, Сотворитель!»

Но вот, Ювелир подошел к девушке-механоиду с алмазной душой. Вот он протягивает руку, чтобы убить, но оставляет ей жизнь. И вот они расходятся в разные стороны, унося друг от друга свои печали, не отдав их даром Храму, утаив. Скрываются, как воры, каждый в своей темноте. Вот застывают глаза Линоры, и Ювелир смотрит на

изумруд, оставшийся в его руке. Вот злость на самого себя заставляет его искать ответы. Вот, вот уже сейчас к Святилищу подходит Кода. Идёт, не сменив порванное платье, чтобы подчеркнуть свою уязвимость перед Ювелиром. Идёт пешком, чтобы собраться с мыслями перед разговором с Первожрецом. Но Соблазнительница не может манипулировать им, всё уже решено. Она хочет убедить в том, что Ювелира нужно убить немедленно, ей, конечно, будет отказано в этом, хотя она права, она тысячу раз права, но что значит её правота против жизни его единственного брата? И все дороги ведут к неотвратимому. Один зубчик задевает другой.

Вздрыгнул. И эхо рассеивается там, в вышине. Что за страшное проклятье, жуткая болезнь, что поражала их одного за другим? Сначала Конструктор, которого прозвали Безумным, чтобы отличить от того, кто пришел ему на замену. Теперь Ювелир. Может быть, наложить на себя руки сейчас, не дожидаясь, когда пасть этой бездны, что ждёт впереди, – сумасшествия – сомкнется поперёк его сознания? Брат, последний оставшийся в живых брат. Когда они в последний раз виделись, когда разговаривали? Давно. Две, три тысячи лет назад? Больше? Не были нужны, не были интересны друг другу, ведь этот мир... почти создан, такой крепкий. Хаос больше не страшен ему. Никакой симпатии, никакой жалости. Нет дружбы. Между ними двумя – самыми могущественными демонами Храма и мира — не было почти ничего. Но теперь, когда стало ясно, что сохранить жизнь Ювелиру невозможно, Первожрец видел, как стремительно седеет длинная прядь его волос. Правильные черты лица чуть исказились.

Позади раздался шорох. Это Ювелир, не отрывая взгляд от высоких сводов, медленно преклонял колени. Он не молился. Ювелир, как и Безумный Конструктор ранее, вообще не молился. Когда они стояли на коленях в Святилище, то делали это так же, как отдавали знаки приветствия и уважения. Замечали ли они это за собой? Но это не богохульство, не ошибка. Они просто по-другому отдавали Сотворителю должное.

Эхо рассеялось в вышине.

- Я выслушаю тебя, - мягко начал Первожрец, медленно обходя бездну, окружавшую алтарь, построенный здесь, перед статуей Сотворителя. На алтаре-над-бездной никогда не приносили жертв.

- Храм, - вновь позвал Ювелир, и в бирюзовых глазах, за которые Первожрец не решился заглянуть, холодно плясал огонь.

- Ты хочешь знать, что с тобой происходит. Хочешь знать, что так болит и рвётся в груди, если не душа? Я знаю тебя, чувствую, помню.

Ювелир не обратил на Первожреца внимания. Он ждал, пока ему ответит Храм. Ответит то, что не способно произнести ни слова.

- Знаю, что ты сделал. Не убил механоида с алмазной душой. Ослушался Сотворителя. Неужели ты думаешь, что её душа не будет никому жертвой? Неужели полагаешь, что имел право её спасти, что не мог иначе? Хочешь знать, почему твой мир, незыблемый с начала времён, изменился так неожиданно и резко от одной единственной слезинки?

Тишина. И только витражи начали наливать кровавым цветом, вторя боли Железного Ворона. Первожрец поравнялся с Ювелиром.

- Ты не можешь говорить с Сотворителем. Ты не услышишь сам, если он ответит тебе, - снова обратился к Ювелиру Первожрец, не желая отпускать, боясь следующего мгновения. Когда щёлкнет затвор и неизбежность будущего превратится в реальность. И это произошло со следующим мгновением тишины. Струйка воды из разбитой чаши, истончаясь всё больше, медленно ползла к бездне.

Кода уже близко. Первожрец сделал всё, что мог. Пора идти. Но неумолимой волной в груди поднялась жалость. Храму ничего не угрожает, пока Первожрец охраняет его. Но ужасно, несправедливо и жестоко... невозможно спасти всех, кого так хочется спасти. И, повинувшись неясному мотиву, Первожрец потянулся, чтобы дотронуться, но усилием воли

остановил руку. Подушечки пальцев еле коснулись кончиков волос Ювелира. В бездну, отделившись от струйки, упала первая капля воды.

«Это единственное искреннее прикосновение, которое ты знал в своей жизни, брат», - хотел произнести Первожрец, но вместо этого твёрдым шагом направился навстречу Коде. Всё было кончено, хотя он даст, он даст Ювелиру ещё один, последний, шанс. Ещё мгновение, и звук его мягкой кошачьей поступи растаял под каменными сводами.

- Мой Храм, обитель моего единственного бога, господя этого мира, моего отца, я сотни тысяч лет создавал тебя, и прошу – лишь ответь, где ты есть на самом деле, потому что чертог из камня и металла – это не ты, - прошептал, оставшись в одиночестве, Ювелир. - Это что-то другое, - выдавил он из себя, не отрывая взгляда от скруглённых арочных сводов там, высоко-высоко. Но Сотворитель молчал.

Первожрец подошел к восточному входу в Святилище и недолго подождал Коду. Соблазнительница явилась всё в том же шелковом платье с оборванным плечом, но теперь оно выглядело аккуратней. Выглядело так, словно всё верно, словно так и должно быть. И обнаженные плечо и грудь, скрываемые пульсирующей алой сеткой кристаллов теперь были частью откровенного наряда. Кратко она доложила Говорящему с Создателем обо всём, что произошло за последние полтора часа совмещая рассказ с жестами приветствия, уважения и подчинения. Он выслушал её бесстрастно.

- Создатель ждёт от нас явления смирения и мудрости. Завтра купол над Залом Творения должен быть воздвигнут, и в нём до сих пор не хватает одного из камней. Один единственный камень остаётся поставить на место, и при солнечном свете мы победим Хаос навсегда. Утешь Ювелира, успокой, ублажи, а если не сможешь — убей. Ты знаешь как. Тогда Создатель явит нам великую милость и новый демон придёт взамен прежнего, и так правильно, - его успокаивающий тон проникал под самую кожу и заставлял верить в истинность этих слов, хотя Кода и без того действительно хотела в них верить. Хотела, но знала предел собственных сил и знала Ювелира.

- Мой господин, боюсь, что в этот раз я не смогу исполнить ваше поручение. Он не послушает меня. Он сошел с ума, и если вы можете убить его сейчас, молю, убейте, не скорбя и не колеблясь. Этот демон не ищет боле плотских утех, и величие Создателя боле для него ничто – он уже мёртв греховною смертью.

- Ты справишься, - нежно начал уговаривать Первожрец, взяв кисть её руки в свои ладони. Кода хотела отстраниться и напрячь руку, но не посмела. - Никто в мире не может быть сильнее мудрости Создателя, не может противостоять его замыслам. Этот мир и Храм весь, до последней песчинки есть его гимн и слава, - доверительные слова сопровождалось хрустом пальцев Коды, которые Первожрец ломал легко, косточка за косточкой, словно это были сухие веточки. В его спокойном мудром взгляде искоркой теплилась нежность, заполнявшая собой серую радужку до краёв так, как растворяется в бокале вина капля крови. Он внимательно следил за тем, как бледнеют щёки Коды, как она терпит боль, не теряя осанки, не искажая своё лицо гримасой страдания, - моё милое дитя, ты ведь знаешь, что силам Создателя предела нет. Что нету берегов у океана ужаса, в котором он омоет тебя, если ты только отступишь от его праведных путей.

- Да, мой господин, слуга бога моего, ты будешь благословен в путях своих и в крови своей, и в своём железе. Да созиждутся стены Храма, и да войдут в него верные.

- Если твои молитвы помогают тебе терпеть боль и страх, то ты молишься усердней, чем я думал, и в молитвах своих ты открываешь свою душу Создателю. Ты гордость этого Храма, Кода-зодчий слёз, - продолжал Первожрец, по-отечески ласково смотря ей в глаза. Сустав запястья был раздроблен. - Ты – гордость этого мира.

Поцеловав её в лоб и нежно проведя рукой по волосам, Первожрец удалился из Святилища. В аккуратном рассеянном свете, со стороны было заметно, как на глазах стареет его красивое лицо. Мелкой сеточкой морщин покрылась бледная, почти алебастровая кожа; выцвели радужки; заострились и без того выделяющиеся скулы.

Длинные, пшеничного цвета волосы седели с каждым мгновением. Как много он готов был отдать, чтобы попытаться спасти брата: Кода, Дракона. Хорошие. Хорошие, они могли бы служить и служить, но он, их пастырь и наставник, так боялся остаться один. Последним из тех, кто помнил ужасающее лицо Хаоса, Отца всех кошмаров, последним из тех, кто по крупицам собирал этот мир.

Так выходит, складывается раз за разом: хочется, но невозможно спасти всех. Ради брата он мог бы пойти на многое, но не на то, чтобы задержать победу над Хаосом хотя бы на одно мгновение. Нет. Страх, каким бы жгучим он ни был, не сможет сдержать силу света Сотворителя, который так скоро проникнет в вечный мрак безумия и ужаса.

Тем временем, Кода, судорожно вдыхая колкий воздух, сползла по арочному своду восточного входа. Держа перед собой распухшую, неестественно вывернутую кисть, она другой рукой осторожно дотронулась до жгущейся кожи в том месте, где её касался Первозрец, и ощутила частицы того самого мрамора. Мрамора от статуи Создателя. Чувство спокойствия и уверенность полной чашей опрокинулись в её грудь. Кости начали сползаться внутри руки, срастаясь между собой. На некоторое время боль застлала всё, перед глазами оставив только бордовую пелену, а затем на её место начала приходить эйфория.

Храм, если смотреть отсюда, был торжественно, почти ожесточённо прекрасен. Её крепость, её тайна, её единственный дом. Место, из которого она пришла, чертог в котором она уйдёт. Центр её мира, точка отсчёта, точка невозврата, место её силы.

Она поднялась на ноги. Теперь всё было снова в порядке, теперь отчаянье и решимость ещё невидимыми пока крыльями взметнулись за её спиной.

- Всё может быть так просто, - прошептала она, стоя позади Ювелира. Он молчал, и не вставал с колен, но всё же обернулся на неё. Белое свадебное платье. С дешёвым кружевом и наивным кроем. Подол оборван и испачкан. Весь в угле. На щеке, испачканной чёрным налётом, виден след от единственной слезы, - я могу быть всегда с тобой. В твоей мастерской я буду наблюдать за тем, как ты работаешь. Я буду согревать тебя, когда ты захочешь, я буду дополнять твой мир, и ты будешь чувствовать, что у тебя есть душа и ею ты делишься со мной. И тихие ненастные вечера будут наполнены нежным желтым светом лампы, под которой ты гранишь самоцветы, и в нашей любви ты будешь слышать скрежет металла о металл и видеть своды, украшенные тобой во всех вариантах непринятых чертежей. Все непостроенные Храмы я буду помнить так, как помнишь и любишь их ты.

- Дракон сказал, что ты недавно скрыла его проступок. Я благодарен тебе за друга. Поэтому я отпускаю тебя живой. Иди.

- Но ведь ты не хочешь этого.

- Осмеливаешься говорить, что знаешь, чего я хочу?

- Знать о твоих желаниях – моё дело. Моё Предназначение. Ты же не думал, что если ты никому ни о чём не расскажешь, то никто никогда не узнает, правда? Ну, это же глупо. Здесь, в Храме у нас нет ничего своего.

- Глупо – это врать о каком-то Предназначении своими механическими клыками, Кода. Кода-мастер. Лучшая из лучших, поднявшаяся над пылью. Наглостью было с твоей стороны оставлять за собой имя после того, как ты заслужила то, что имеешь. У настоящих демонов нет собственных имён. Только Предназначение, которого ты, механоид, лишена. Или ты думала, что в обмен на твою благосклонность в постели Первозрец будет хранить твою тайну от чужого внимания вечно?

- Ты раньше этого не замечал, - отметила Соблазнительница, принимая свой обычный облик.

- Я раньше много не замечал.

- А ведь я предлагаю кое-что особенное. Такое, что все очень хотят, но никто полностью не имеет.

- Ты предлагаешь только себя.

- Свет мой, ну нельзя же забывать, где ты и с кем имеешь дело. Это Храм, здесь нет своих, нет чужих. Только ты и Создатель. С ним ты можешь быть откровенен, но для всех остальных – надевай маски, меняй маски, начищай их до блеска, и пусть они будут достоверны. Ты хочешь обновлений – так иди за мной, я покажу тебе этот мир совсем новым, таким, каким никто его не видел. Ты найдёшь новую маску, которую никто до тебя не надевал. Мы все здесь на карнавале и делаем вид, что верим друг другу. Это такая игра. Очень жестокая, но именно она – основа этого мира. Она, а не выдернутые из Хаоса железяки. Я вижу в этом свою красоту, она как танец. Она как соитие. Как любовь. Гадальная колода, которую мы раскладываем, вот этот самый Храм.

- Отчего ты так боишься Первозреца, что готова продаться мне навсегда? Чем он тебе пригрозил?

- Я не боюсь. Я просто разумна. Очень разумна. Ты построил один Храм, а он соткал в нём тысячи своих. Храмы из лжи, логики и искренней, чистой веры. Ты их никогда не увидишь, никогда не постигнешь. А они живут, и скрипят шестерёнками у него в сознании: я их вижу, когда загляну за его глаза, и это красиво... Сотворитель знает, как это красиво! Ты так многого не знаешь, не видишь, тебе так многого не сказали, а Первозрец знает всё.

- Это он тебя придумал?

- Я сама.

- Сколько всего ты убила големов, механоидов и демонов с тех пор, как заняла своё положение?

- Всех, кого следовало, но ещё более многим я сберегла жизнь. Я прикрывала тебя, чтобы тут не сорвать срок, там увеличить КПД, здесь предотвратить ущерб, и ни разу не подвела Создателя, а значит, сейчас я даже лучше тебя. Центру нравится моя идея, Первозрец доволен мной в постели, я – один из столпов этого Храма по своему праву. Я не такая, какая есть. Я сделала себя сама из подручных материалов и невыплаканных слёз. Я – творение собственных рук, а ты здесь стенаешь и ищешь себя. Будь как я, и обретёшь искомое. Просто прячь, прячь себя от себя самого, и ты собой завладеешь. Все готовы что-то продать, покупай то, что хочешь купить для себя, покупай то, что можешь купить для продажи. И ты изнутри увидишь этот Храм. И ты узнаешь – как он прекрасен!

- Ты лучшая из лучших. Ни один мастер с самого сотворения этого мира и этого Храма не добился и трети твоего величия и славы. Теперь уходи. Спасайся. Ты умница, ты уже сложила два и два. Я даю тебе шанс, ведь... позволь угадать – Первозрец тебе его не дал.

- Да куда же мне бежать, - надув губки начала Кода, усаживаясь на колени к Ювелиру, заслоняя собой перед его глазами Создателя и проводя рукой по его жестким волосам, - где же мне скрыться? Сразу прыгнуть в Хаос, может, там меня никто не найдёт? Но ведь тогда будет бедствие, сам знаешь. А ты меня не убьёшь, не сможешь, ведь для этого мне нужно раскрыться навстречу тебе, достигнуть своего триумфа, а как я это сделаю, если ты такой безучастный, такой бесстрастный, как труп? Впрочем... - она закусил губу, вспоминая что-то, - трупы и камни интересовались мной получше твоего. Много времени прошло, я много повидала. А помнишь, - заговорщицки вспыхнула она, подбираясь к магнитным застёжкам рубашки, - как мы забрали душу шута? Вот это была потеха! Он стоит перед своим лордом и шутит шутку на злобу дня, смешную, правда, и знает, что за неё его повесят. Весь зал замолкает, лорды изменяются в лице, оскорблённые его наглостью, и тут появляюсь я и просто смеюсь. Тогда этот старичок приосанивается и понимает, что не зря жил на этой земле, что правда есть, и вот, она смеётся вместе с ним, и то, что он делал, имело, по-настоящему имело значение, в этот момент ты и забрал его душу. И вот мы стоим втроём посреди чужого пира, то есть мы вдвоём стоим, а он лежит мёртвый с идиотской улыбочкой, и я кланяюсь и говорю: «вот и всё, неуважаемые,

веселитесь же». Нужно было видеть рожи всех этих расфуфыренных величеств, их в жизни так никто не унижал. Как вспомню – до сих пор смешно. Ты что, правда оставишь Зал Творения без дневного света из-за того, что тебе что-то чудится? Ведь ты столько сделал для этого, стольким пожертвовал! Ты правда не хочешь победить в этой войне, которую мы ведём от начала времён? Что может быть важнее этого? – резко сменила она тему, внезапно серьёзно и грустно посмотрев на своего собеседника.

Он взял её за талию и снял со своих колен.

- Кода, я не знаю, что мне делать. Этот Храм – моя цитадель, мой единственный дом, творение моих рук, и моя жертва Сотворителю – сама моя жизнь, и даже больше чем жизнь. Ты это понимаешь?

- Да, - с готовностью ответила Кода. Она действительно понимала, для неё Храм был тем же. И в этот момент какой-то сдержанной доверительности между ними, она почти что сняла свои тысячи масок. Ведь они были так близки в этой своей любви к Храму, в этой своей надежде на его твердыни. В этом чувстве была их связь, которая была куда как более крепкой, чем любовь, которую они в разное время и в разной форме испытывали друг к другу. Связывала их теснее общего дела и общей памяти о славных событиях прошлого. В этом Храме всё менялось слишком много раз, чтобы сейчас, в самый последний момент их близости Кода могла бы назвать хотя бы одну более сильную эмоцию, чем их общая надежда на Храм, стремление его защитить.

- Но что-то изменилось вчера, - произнёс Ювелир, и для Коды это прозвучало как предательство, уничтожение всего того, ради чего она могла хотя бы попытаться спасти ему жизнь. - Критически изменилось. И я теперь даже не уверен, что я демон. Мне кажется, у меня нет больше Предназначения, а то, что горит и плачет в груди – это и есть сама душа. Мне кажется, что у меня впереди что-то, что я не могу назвать по имени. Но это как открытое пространство, как ветер под крыльями, как сама песнь Создателя такой, какой она должна быть. Это как открытый путь, как новая вершина, так тайна тайн. И я не знаю, что мне теперь делать. Я просто хочу быть с той девушкой. Или даже просто подле неё. И ради этого я готов сделать всё, что только потребуется. Убить, предать, отступить от своих клятв. Всё серо, всё бессмысленно без неё для меня теперь.

- Есть одно средство, но ты должен будешь дать мне шанс сохранить свою жизнь.

- Говори.

- Я знаю, как остановить Храм. Тогда твоё Предназначение исчезнет. И ты будешь... я не знаю, кем ты будешь, но, наверное, так ты сможешь быть с ней. Для этого нужно произнести имя Хаоса в Зале Творения. Это что-то вроде кодового слова, останавливающего машины, - Кода надела очередную свою маску. Ювелир теперь её личный враг, если он враг этого Храма, и она знала как следует побеждать врагов. - Одно только слово остановит Творение, и твоё Предназначение потеряет смысл, ведь разрастаться Храм уже не будет. Тебе будет нечего украшать, разрабатывать, нечего строить. Места сейчас достаточно, мир велик и крепок. Я знаю это слово – ты же понимаешь, мужчины болтают, когда счастливы.

- Продолжай.

- Мне нравится соревноваться. Люби меня. Ты первый закончишь – забудь обо всём, что здесь было. Первожрец согласен простить тебя – вернись к работе и служи Храму и Первожрецу, как служил раньше. Не говори с Создателем так, как будто сам можешь услышать ответ на свои вопросы. Если первой закончу я, то скажу тебе это кодовое слово. Но тогда ты возьмёшь меня с собой. Если будет нужно – защитишь, если нет – дашь уйти, куда и когда захочу.

- Хочешь защититься со всех сторон?

- Конечно, - взглянув на Ювелира прямо, Кода поняла, что он согласен, и улыбнулась, предвкушая их соревнование. - Мне принять какой-нибудь облик? Или жажда этого неизвестного, что сейчас перед тобой, достаточно тебя возбуждает?

Вместо ответа Ювелир резко привлёк её к себе, Кода на мгновение потерялась, вспомнив эту его манеру, вспомнив, что так уже было однажды, но это мгновение не было им замечено.

Хрусталь из одеяния Соблазнительницы полетел вниз, мелодично разбиваясь об пол. Позади её плечей взметнулись вверх два изящных механических крыла, и она воспарила вверх к куполу, поддерживая своего любовника и противника так, будто демон ничего не весил. Крылья... не видимые до сих пор Ювелиром, они, несомненно, являлись подарком Конструктора, образцом его тайной технологии, благодаря которой нужный механизм появлялся в определённый момент из ниоткуда. Таким был призрак-партнёр Танцующей с Тишиной, таким было оружие Первозреца. Эти крылья были образцом идеального мастерства. Эти крылья...

Лунный свет лился на них через цветное стекло витражей, ставшее всё как одно красным, и топил сплетённые тела в алой части спектра, как в бездонном море, забывшем о своих берегах. Алое стекло нагревалось изнутри, от температуры рассыхалась и падала вниз неровными хлопьями краска, придававшая им ранее искусственный цвет. Слезы стального ворона, метавшегося над трупом своей возлюбленной, были этим морем, обнимали их этим светом, толкали друг к другу в единственном порыве иступлённого отчаянья, броска от страха к страху в поисках несуществующего спасения, которое было почти осязаемым, почти на кончиках пальцев, под этим алым светом серебряной луны.

- Всё может быть так просто, - шептала Соблазнительница, заходясь в крике наслаждения, но не разрешаясь в экстазе, - я просто буду для тебя ею. И я уйму твою боль, пролившись прохладной водой на твоё горящее сердце. Ты будешь мне господин!

Тепло дыхания окатывало волнами шею Коды, против её желания вытягивая из прошлого события ночи, которую она всегда считала ошибкой.

- Там, внутри у тебя пустота, очень темно и страшно, - шептало это тепло голосом Ювелира, - из груди твоего тела, прекрасного, как лик Создателя, открывается провал прямо в Бездну. Ты лживая, и только надрыв и тьму я чувствую у тебя внутри.

- Ты хочешь изменить этот мир, - насмешливо ответила Кода, - но он идеален. Ты знаешь об этом так, как никто об этом не знает. Зачем тебе разрушать идеал?

- Этот мир – просто машина. А я хочу поступать иначе, так, как машины не делают.

- Но разве тогда ты будешь живым? То, что не машина, не развивается, не имеет дела; то, что не машина – не живёт, оно мёртвым болтается там, вне Храма и кричит, когда его вырывают и обращают к Порядку. У такой «жизни» не будет смысла. Такое существование бесполезно, оно просто разрушит само себя, маясь от безделья. Ужасаясь собственной безысходной непреложности.

- Я понимаю теперь то, чего не понимал никогда. Вижу то, чего ещё никто не изобрёл: не имеющее названия и определения. Но я чувствую это – это оно рвёт меня изнутри. И я хочу видеть то, что само выбирало бы себя.

- Так посмотри на моё лицо! Я создала себя сама! Механоид, которым я была когда-то, совсем не похож на то, чем ты сейчас обладаешь.

- Мне всё равно. Я вижу пропасть в твоём сердце. Она вопит об одиночестве громче, чем сама безнадежность, и мне жаль тебя, Кода.

Кода чувствовала, что её враг злится. Движения стали грубы, резки. И они были очень, очень сильными, очень глубокими. Она контролировала всё. Пусть он делает то, что хочет. Именно то, что хочет – хорошее или плохое, всё равно, ведь тогда он будет в её власти. Соблазнительница продолжила шептать, держа Ювелира в своих объятиях, механическими когтями глубоко царапая кожу на спине, причиняя максимальные неудобства и побуждая его бороться. Сильнее. Глубже. Проникая в её владения. Под её контроль.

- И, тем не менее, мы здесь. Мы едины в своей страсти, своём порыве. Ты согласился на моё предложение не потому, что тебя так сильно волнует та девушка. Ты мог принять

одно из тех многих решений, которых я так боялась, и отказать мне. Но ты заключил со мной сделку. Ты ласкаешь меня не из принуждения. Ты согласился потому, что ты хотел согласиться. Потому что ты, так же, как и все мужчины этого мира и этого Храма, просто меня хотел. Похотливо и прямо. Ты такой же, какой был той ночью. Ты мой! Прячь от себя свои истинные мотивы, ты не знаешь, чего ты хочешь – ты отчаялся себя понять. И в этой безнадежности ты обнимаешь меня так, будто я твой последний шанс, тонкая тропа к спасению из ловушки, в которую ты загнал себя сам, безумец. Ты хочешь меня в моей лжи, и так ты утоляешь свою злость, - шепнула она, и крылья замерли, больше не поддерживая их в воздухе. Она ещё крепче сомкнула бедра. Свободное падение на миг приняло их в свои острые объятия со звуком ветра и шепотом взметнувшихся светлых прядей густых волос. А затем они приземлились на алтарь, что был посреди бездны, прямо под очами статуи Создателя, мудро смотрящей на них обоих и скорбящей о них.

- Кода, я не могу тебя любить, - произнёс Ювелир, дотронувшись до белой кожи лица женщины чуть дрогнувшей грубой ладонью, - сними свою тысячу масок. Я хочу видеть тебя настоящую, - и в его негромких словах застенчивой тенью из тысячи ликов нежности мелькнул тот самый единственный, которого Кода всегда ждала.

- Я помню, - бесцветным голосом начала Соблазнительница, не подавшись навстречу его ладони, не провоцируя, не взывая к жалости. Снова взглянув в лицо Ювелира так, как это бывало прежде, она на какой-то неосознанный, неузнанный ею миг перестала думать о Храме: она думала о себе — и больно, больно было вспоминать о собственном существовании, признавать за собой свои чувства, так холодно... – Я помню, как из зеркала смотрела на меня девушка. С веснушками на полных щеках, с коричневыми волосами. Я помню, как она смеётся, глядя на себя, весёлым, залившимся смехом, но какой она была внутри, я уже не могу вспомнить. Я слишком долго была такой, какой меня хотели видеть, - она всё же прильнула ближе к его грубой руке, и её тело под ним расслабилось, отпустив себя в тепло своего горя, как в уютную гавань.

- Тогда смотри, - чуть слышно шепнул Ювелир, и из глаз Коды хлынули горячие слёзы, набегающие друг на друга. Стальные крылья подрагивали чуть заметно, будучи распротёрты по сторонам алтаря над тёмною пропастью бездны. - Я не разделю с тобой свой мир, - сочувственно продолжал демон, лаская её лицо, так, как иные в задумчивости о ком-то ими нежно любимом, неосознанно поглаживают обычные в хозяйстве вещи, - ты и создала, и уничтожила сама себя: ты не такая, какая есть, но и не такая, какой ты быть хотела. Тебя почти не осталось, но таких, как ты, не бывает – ни мастеров, ни демонов. Никого. Право выбора механоидов – иллюзия. Они всё равно выбирают своё ремесло от того, что они именно такие, какими были созданы или рождены, никак не иначе. Все, кроме тебя. Ты – это то, что я ищу в своих метаниях, воплощение всего, чего хочет моя душа, но этот алтарь – не для нашей любви, понимаешь? Но я восхищаюсь твоей силой, Кода, прошу, поверь в меня, и я буду твоим защитником, которого ты не знала, я буду твоей опорой, которой у тебя никогда не было. И тебе больше не нужно будет смотреть в зеркало, которое видит твои слёзы. Твоя душа – не алмаз, и ты не стоишь даже одной слезинки моей возлюбленной, но я пойду ради тебя против Первожреца. Против Храма и всего мира. Я буду драться, и мы вдвоём завоюем то, чего у нас никогда не было. Право выбирать себя самим. Без масок и лжи.

Карая радужка зрачка Коды, обрамлённая белком, покрасневшим от слёз нашла лицо Ювелира, но осталась расфокусированной, будто не видела того, что происходит вокруг. На неё, словно из одной ей видимого зеркала, смотрела девушка-механоид с огромными карими глазами и смешным веснушчатый носом. Из-под водопада коричневых волос подплёскивала медью механическая часть уха. Кода смотрела сама на себя, и пропасть между ней и ней опалала могильным холодом.

В этот момент душа Коды раскрылась, достигнув пика своего дара, вобрав в себя всю полноту бескрайнего одиночества женщины сильной, как основа самого мира,

страдающей вечно от того, что никого в мире нету сильнее неё. Она могла вдруг поверить Ювелиру, ведь демоны так постоянны, а Ювелир был создан не для того, чтобы лгать. И эти слова её любовника, лживые и жестокие в своей правдивости, как ключ к замку отворили её для него. Она не поверила ему, и он, конечно, её предал, но он её угадал.

- Имя, - раскрылись её губы, но рука Ювелира уже держала её сердце. Кровь темным потоком струилась с алтаря в бездну, проходя по краешку механического крыла. — Хаоса... – инертно произнесла она, уже осознавая, что проиграла. Её губы ещё раз разомкнулись и сомкнулись, произнося заветное слово, но звук поглотила кровь, которая пошла горлом и задушила её.

Искажённое гримасой омерзения, лицо Ювелира ненадолго обратилось к изваянию Создателя, чей каменный лик всё также неизменно смотрел на свой алтарь, а потом вновь обратилось к Коде. Теперь отец этого мира с неизбывной добротой в окаменевшем взгляде наблюдал, как обнажённый демон перевёл от трупа прекрасной женщины свой взгляд к алым витражам. И, уже ни слова ни говоря, не обращаясь ни к Храму, ни к господу, он так и смотрел вверх, стоя на коленях на алтаре-над-бездной.

Продолжение следует...

*Нелле
Санкт-Петербург, 2012*